

"Я считаю, что суть магии заключается в том, что называют ложью".

"Но разве "истина" иногда не большая ложь, чем ложь?"

-Тсучимикадо Харутора

Часть 1

Это произошло многими ночами ранее -

Алтарь находился на крыше здания.

Тории возвышались на каждой из четырех сторон площадки, построенной из камня. Северные тории были черными, восточные тории были синими, южные тории были красными, а западные тории были белыми.

Платформа уже собрана на многих пьедесталах, украшена множеством подношений. Серебряные монеты, белый шелк, бумажная лошадь, бумажный солдат, полный набор доспехов, лук и стрелы, длинный меч, клуазоне, золото, кото, лютя. Также были многочисленные сосуды, изготовленные из бумаги, которые тщательно переплетались с магической энергией площадки. Рядом с ними также были ритуальными инструментами - тайко барабаны, раковины, бубенцы, вуза, благовония, ручной колокольчик, кукла вуду и талисманы.

Ритуал уже подготовлен должным образом. Порыв ветра сорвался с крыши сверху. Небо медленно посветлело, и всеохватывающая тьма была развеяна солнцем. Скоро будет рассвет. Время, когда солнце и луна поменяются местами было неизбежно.

На площадке было пять фигур. В центре стоял парень в черном плаще, его левый глаз был закрыт тряпкой. Подол его черного плаща раздувало ветром.

Перед ним стоял пьедестал, на котором лежала девушка. Словно она спала, но униформа на ее теле была пропитана кровью. Ветер мягко коснулся девушки, и розовая лента, связывающая длинные черные волосы девочки, слегка покачивалась.

За ними были две фигуры, которые следили за всем. Одна из них была женщиной со звериными ушами и хвостом, а другая была человеком с одной рукой. Оба стояли так, ничего не говоря, спокойно ожидая прихода того времени.

Последний человек был маленькой девочкой, которая готовила ритуал, ожидая их. Выражение её лица было холодным, когда она смотрела на парня.

Парень оглядывал своим оставшимся правым глазом, чтобы проверить алтарь. Девушка ждала, пока он закончит осмотр, затем направилась к нему, дав ему лист бумаги, сложенный несколько раз. Это был сценарий ритуальной речи.

Парень получил сценарий и на мгновение прижал его к груди, закрыв глаза. Через некоторое время он кивнул девушке. Девушка взяла молоток и ударила тайко. Боом-- Боом -- Боом -- Боом -- Боом -- Боом -, она ударила его шесть раз. Затем она взяла раковину и подула в неё. Звук содержал магическую энергию, и она постепенно пронизывала утренний воздух, но последняя нота повторялась несколько раз.

Две фигуры, смотрящие сзади, слегка повернули свои тела.

Черный плащ вокруг парня, раздувался, как будто он дышал. Парень держал сценарий перед собой и громко читал заклинание.

«Секта Тсучимикадо Оммёдо хотела бы обратиться к Тайзан Фукун, властелину подземного мира ...»

Это случилось много дней назад.

Колесо судьбы, которое превзошло время, ускорило.

Часть 2

Ветер, дующий в горном лесу, усиливал холод зимы. Маленькое тело девочки не могло не дрожать, поэтому она прислонила бамбуковую метлу к груди и потеряла руки. На вершине начало зимы всегда чувствовалось раньше, чем у подножия горы. Её выдох, мгновенно стал слабым белым туманом.

Она бросила взгляд на, заслонённое ветками темное небо. За эти несколько дней ярко-красные листья начали опадать. Созревшие фрукты редко, висевшие на кончиках ветвей, свободно сбрасывались. Благодаря этому она не смогла бы подмести их, как бы она ни хотела. «Хааа...» С таким вздохом девушка посмотрела на упавшие листья клена.

Вскоре после этого.

«Акино! Ты еще не закончила!?»

Издали, раздался рев. Девушка по имени Акино крикнула «Да ...», после того как она услышала это, и в следующий момент волосы девушки, казалось, взмыли вверх.

Девушка поспешно прикрыла голову руками, и метла упала на землю. «Ах ... Ах ...» Она взглянула на упавшую метлу, и плохо облегающие ее лицо очки также соскользнули вниз. В конце концов, Акино тихонько заныла «Ууу», удерживая свою голову и очки обеими руками. Она повернулась, чтобы посмотреть в сторону рева.

Помимо покрасневших листьев клена, вокруг нее возвышались несколько огромных, древних кедровых деревьев. Старое здание можно было увидеть около кедров. Оттуда шёл хмурый буддийский монах, одетый в черную священную одежду поверх антарваса касая. Он был главным аджари этого монастыря.

«Ах, жрец Таданори ...»

«Остальные все закончили уже, ты единственная, кто всегда бездельничаешь».

«А-Ах Извините ...»

Акино думала убежать, с запинками извиняясь. Хотя она извинилась, ее голос был почти неразборчив, если только вы не внимательно слушали.

Не зная почему, монах нахмурился и посмотрел на девушку пугающим взглядом. Монах пожаловался девушке сдержанным выражением, но глаза Акино смотрели осторожно вверх, и монах мог только заставить себя проглотить весь свой гнев.

«... В любом случае, поторопись и закончи. Мы собираемся приготовить обед, так что поможешь приготовить еду!»

"О-хорошо"

Акино ответила и взяла метлу, одновременно поправляя очки. После того, как Таданори снова посмотрел на девушку, как бы предупреждая ее, он вернулся в зал.

Таданори был ответственным за вихару и был человеком, который любил отчитывать других, но сейчас он стал осторожным. Не только он, все взрослые в этом монастыре были такими. Редкий случай, когда разногласия были урегулированы без гнева.

Но при этом говорилось, что ничего подобного не происходило. Акино поспешно собрала все листья в корзину. Бросив листья в мусоросжигатель за храмом, она направилась к складу, чтобы приготовить обед. На складе была монастырская кухня, а также много комнат для монахов. В деревянных монашеских комнатах тоже были кухни.

В момент, когда она вошла, раздались крики.

«Ты медленная! Акино! Чем ты занималась?»

"И-Извините"

«Акино, дров недостаточно!»

«О-ладно ... я пойду, сейчас ...»

Акино ответила на бегу, неся дрова, уложенные под карнизом здания. Вероятно, потому что топливо было очень дорогим, его использование было ограничено. Следовательно, они в основном использовали дровяную печь для приготовления пищи.

Но их способ розжига огня был очень уникальным - это было очень странно.

Старцы вихары стояли перед плитой, протягивая к ней руки и скандируя заклинания с полузакрытыми глазами. Вскоре после этого дрова внутри воспламенялись.

Это было волшебство.

Более того, это классифицировался как истинная первоклассная магия в соответствии с современным законом Оммёдо.

«Возьми тарелки сейчас же, Акино!»

"Хорошо....."

«Поторопись...! Ты, опять!»

"И Извините"

Сердитый и нетерпеливый нагоняй раскритиковал медлительную дурочку. Акино со слезами подобрала кусочки разбитой тарелки. Но после этого ее все еще громко ругал старший. Акино поспешно воскликнула, выполняя свою задачу. Диета монастыря должна быть вегетарианской, но это не строго соблюдалось. Бедность было одно, но есть мясо без забот - это другое дело. То, что они жарили прямо сейчас, было олениной, которую они добыли несколько дней назад.

Живот Акино заурчал от голода. Крыша задрожала и затряслась, как бы откликаясь ей.

После окончания обеда и небольшой уборки, у Акино было немного свободного времени, пока не настанет время приготовить обед, который они называли «помоями». Акино незаметно подсмотрела за пожилыми людьми, делавшими огонь поменьше для первого блюда из небольшой сладкой картошки, и пошла к храму в полуразрушенной половине монастырской площадки.

Акино сначала выкопала в земле неглубокую ямку. И положив в нее сладкий картофель, положила опавшие листья сверху, затем зажгла их и засыпала пеплом. Убедившись, что листья загорелись, она тихо села у подножия кедрового дерева, стоявшего рядом.

Так как в последнее время не было дождя, листья быстро превратились в золу. Акино наблюдала, как пепел уносится ветром, и спокойно подождала, пока сладкий картофель не зажарился. Это было потому, что Таданори выругает ее, если увидит ее в своем укрытии, тайно готовящей еду. Так же если бы ее заметили другие старшие, все это было бы конфисковано.

Монастырь, в котором жила Акино, был назван храмом Сейшуку. Это был горный монастырь, расположенный недалеко от вершины горы, вдали от цивилизации. Поездка сюда была чрезвычайно сложной, и это было похоже на место, изолированное от внешнего мира.

Нет, это было не так, что только это место было уединенным. Все окрестности монастыря активно скрывали свое существование от мира. Это место, которое отстало от времени. Это был другой мир за пределами горы, настоящий горный альтернативный мир.

Акино была самой молодой в этом альтернативном мире, а также самой слабой. Она всегда была внизу иерархии. На данный момент она оказалась в положении, когда ей было отказано во всем. Даже в обед, никто не поделилась с ней вкусной олениной. Несмотря на то, что у нее были низкие ожидания, она оказалась в затруднительном положении. Поэтому она воспользовалась возможностью, которую она сегодня увидела, чтобы заполнить ее растущий аппетит.

Жар огня уже исчез. Холодный воздух, казалось, просачивался в ее тело понемногу, когда она сидела прямо на земле. Но, к счастью, было не ветрено. Акино обняла свои колени, свернувшись в маленький шарик и тихо посмотрела на пепел. Акино подумала, что если этот способ заставит сладкий картофель стать немного теплее и вкуснее, она не прочь подождать на холоде. Ее сердце было немного счастливым, а также напряженным, от кражи пищи. На самом деле, горячий сладкий картофель был единственным удовольствием, которое Акино почувствовала за последние несколько дней.

"..... Сладкий картофель ~ Сладкий картофель ~ Ты еще не готов? Вкусный ~ Горячий ~ напевание..."

Было непонятно, правильно ли она рассчитала время, были ли они зажарены или недожарены, Акино полагалась лишь на собственную интуицию.

«Они почти готовы», «А, подожду еще немного».

Акино неторопливо разговаривала сама с собой.

“Эй Акино!”

Внезапно раздался голос из-за спины, и Акино потеряла дар речи. Она схватила колени, и всё

ее тело онемело. Одновременно с этим над ее головой, где не должно было быть ничего произошло явление «нарушение». Затем все, что было скрыто, материализовалось и раскрылось.

Слегка торчала пара длинных ушей. Это была пара кроличьих ушей, покрытых беловато-серебряным мехом. Были не только уши. Снизу появился короткий круглый хвост, прижатый к земле. Как и уши, это был кроличий хвост.

Широко раскрыв глаза Акино не могла пошевелиться, и только паникующие уши дергались во все стороны. «Ха-ха.» Сумасшедший смех прозвучал после того, как Акино была замечена. Услышав это, ее напряжение внезапно исчезло, и она расслабилась, уши на голове упали, как будто у них закончилась энергия.

"Сэн-дзичан"

Она недовольно оглянулась, когда улыбающийся старик вышел из-за кедровых деревьев. Его белые волосы пучком свисали, вместе с его белой бородой, с первого взгляда было заметно, что он был пожилым человеком. Как ни странно, на нем было изношенное белое пальто, заштопанная хакама и привлекательная льняная мантия. На первый взгляд он выглядел ненадежным и не только от ленивой внешности. Дразнящая улыбка появилась на его морщинистом лице, показывающая его детский нрав.

«Не удивляйся, Акино. У тебя недостаточно практики».

«Это ты меня напугал, Сэн-дзичан... Специально, изменив свой голос ...»

«О чем ты думала, что так испугалась меня? Для чего нужны эти длинные уши?»

«Я ... у меня их нет, потому что они мне нравятся ...»

“Ха-ха, ты, наверное, довольна видя сладкий картофель. Таданори-сан заметит тебя рано или поздно. Недавно он был в раздраженном настроении, поэтому ты обязательно серьезно получишь, если попадешься”.

Сэн громко рассмеялся, но Акино нахмурилась: «Уу ...», уши на голове согнулись в «□». На самом деле, поскольку Сэн заметил ее, она не могла утверждать, что Таданори, не сделал так же.

«Разве это не ценные уши? Ты всегда скрываешь их, ты должна пользоваться ими, если они полезны».

«Э-это не твоё дело Сэн -дзичан».

Акино надула щеки, крепко обняла колени и свернулась клубком. Теперь она не могла скрыть свои уши.

Акино была одной из тех, кого называли «одержимыми».

Кажется, что их не так называли «живыми духами». Так называемые «живые духи» первоначально относились к людям, которые были одержимы «демонами» и в последствии ставшие демонами. Но в нынешние времена, считается, что демоны были чем-то вроде духов, захватывающих души людей, так демоны были названы “живые духи”. В этом смысле живые духи не были каким-то редким явлением в Храме Сейшуку, по крайней мере сейчас это было

похоже на нормальное. Хотя нельзя было сказать, что их было много, сюда часто приходили одержимые ограми или духом лисицы.

Но, к сожалению, Акино не была обычным живым духом.

Она была живым духом «кролика», который редко встречался в этом мире.

«Независимо от того, как ты хочешь скрыть их, похоже, что они будут появляться каждый раз, когда ты пугаешься. Это похоже на лисицу, пытающийся скрыть свой хвост обладая плохими навыками трансформации».

«Тебе не нужно беспокоиться об этом. Хотя я все еще неопытна, я могу скрывать их, я много тренируюсь».

«Независимо от того, как хорошо ты их прячешь, скоро все узнают о твоих ушах».

«Это неважно, я хочу скрыть их».

Плохое настроение Акино, стало еще немного раздраженным.

Эти длинные кроличьи уши были корнем комплекса неполноценности Акино.

Она не знала или не хотела знать, что думают другие люди, но Акино, когда они подпрыгивают вверх и вниз на ее голове, только расстраивается.

Были люди, которые называли ее девочкой-кроликом, и те, кто недолюбливал и избегал ее.

Что еще более важно, у самой Акино определенно не было таланта стать чем-то большим - скорее, поскольку она выглядела глупо и из-за нездорового внимания вокруг ее редкого живого духа кролика, в итоге все вокруг стали рассматривать ее как дурочку.

Некоторые люди относились к ней как к экзотическому животному.

Для Акино эти ненавистные уши были символом обращения к ней как к пустому месту.

«Я думаю, что это пара ушей милая».

«Это ... неправда».

Акино сжалась калачиком, сознательно отрицая его комплимент.

Но пока она медленно отвечала, кончики ее ушей радостно вскочили. Еще одна причина, по которой Акино всегда не любила показывать свои уши, заключалась в том, что они полностью выражали ее скрытые чувства. Но тот факт, что Акино не прятала свои уши перед Сэном, по крайней мере было доказательством того, насколько близка Акино была с Сэном.

То, как Сэн дразнил кроличьи уши Акино, не было похоже на то, как другие люди с презрением и злобой говорили о них.

Напротив, Сэн рассматривал бесполезную Акино, как свою внучку. Сэн был единственным человеком, у которого Акино могла отдохнуть в монастыре.

Длинные уши Акино вздрогнули, когда она спросила Сэна: «Сэн-дзичан, ты снова занят поливом?»

"Да, это верно." - ответил Сэн, поворачиваясь лицом к храму рядом с ними.

Храм почти полностью обветшал. Его стены и крыша были покрыты дырками, а также пол полностью зарос сорняками. Кажется, он назывался Зал Тачибана, он был просторной, разрушенной комнатой. Поскольку никто не использовал его, Сэн занес в него горшки с саженцами и тщательно ухаживал за ними.

Акино часто убивала время там. В любом случае, она могла чувствовать себя максимально комфортно в том месте, где часто находился Сэн.

«Твоя работа хорошо проходит?»

«Я давно закончил ее».

«Аахх» Невольно говоря: «Ты ... я слышала, что Сэн-джичан всегда такой. Как ты можешь так легко закончить?»

«Я - я, вы знаете, я жил несколько раз до тех пор, когда появилась ты. Окончание такого уровня работы является естественным».

Сэн был мужчиной слугой в храме Сейшуку и отвечал за выполнение обязанностей монастыря, точно так же, как Акино была в вихаре. Несмотря на то, что он работал очень усердно для своего престарелого тела, этот добрый старик всегда был плавным и неторопливым. Акино не могла не думать, как привыкнут к таким вещам. Однако Акино и представить себе не могла, что привыкнет к этим вещам.

«Похоже, я могла бы сделать больше, если бы смогла закончить немного раньше ...»

Она тихо пробормотала слова, которые звучали не реалистично.

Акино выглядела на двенадцать или тринадцать лет, но даже она не знала своего настоящего возраста.

Она жила в Храме Сейшуку, сколько себя помнила, и, кроме того, что она собиралась и ходила к горе как посланник, она больше никуда не ходила. Она проживала эту неинтересную жизнь каждый день вместе с изменением времен года. Даже она не знала, на сколько она выросла за это время. Она не могла представить, что произойдут какие-то изменения, если она попытается сделать еще немного.

Но--

«Хорошо ... будет ли это место еще существовать, когда пройдет это время?»

Сэн улыбнулся, говоря нехарактерно чистым голосом. Кончики ушей Акино слегка дернулись в ответ, и она подняла голову к Сэну «Э-э ...».

«Сэн-джичан? Что это значит ...»

«Эй, Акино».

"Да?"

«Готова ли сладкая картошка?»

«Сладкая картошка? ... Ах!»

Она совсем забыла. Она в панике схватила свою метлу, вырывая из пепла сладкий картофель. Как и ожидалось, их внешняя кожа была запечена черным. Акино завопила, а Сэн рассмеялся: «Ха-ха ...».

«Хорошо, хорошо, я пойду, пока еда не исчезла ...»

Сказав это, Сэн вошёл в зал Тачибаны, чтобы полить саженцы.

После этого Акино избавилась от внешней части жареного сладкого картофеля и смогла съесть только серединки. Но ей очень повезло, что только наружные части были очень жареные, Акино удалось утешить себя.

После того, как она уничтожила и скрыла доказательства своей тайной еды, она прогуливалась надлежащим образом - осторожно скрывая уши, а затем вернулась на склад.

Ближе к сумеркам начнется подготовка к ужину.

Ужин в монастыре назывался «помои», потому что в монастыре было только два приема пищи, завтрак и обед. Они ели не еду за обедом, а вместо этого ели «помои». Конечно, в Храме Сейшуку, где даже мяса было мало, это было просто формальное название. Пожилые люди снова ругали Акино и, с плачущим выражением она готовилась к ужину.

Снова не хватило дров, и она вышла на улицу, чтобы принести.

Затем, когда Акино собрала дрова, уложенные под карнизом с «ууффххх», она услышала голос Таданори.

«... Тебя снова беспокоит. Отличительная черта ... Да, это так ...»

Она оглянулась. У него было грустное выражение на лице, он держал сотовый телефон одной рукой пока шёл от храма.

«... Здесь, уже? Понял ... Пока я пошлю людей. Будешь ли ты здесь завтра? Да ... Нн ...»

Он сказал несколько слов по телефону, а затем после разговора выключил его. Акино спокойно смотрела на Таданори. Она не интересовалась содержанием беседы, она больше интересовалась тем, откуда у Таданори был телефон.

Поскольку он работал в монастыре, появление сотового телефона в горах, а также звонок по телефону. У Акино, естественно, не было телефона, и она даже не трогала их. Сотовый телефон одна из вещей которую Акино хотела больше всего.

После того, как Таданори заметил, что Акино безмолвно смотрит на него, он обернулся. Чтобы не считаться ленивой, Акино поспешно отвернулась, и понесла дрова.

Но Таданори окликнул Акино, когда та повернулась спиной и готовилась уйти.

"Акино--"

«Да-да? Я ... я не отлыниваю, я серьезно помогаю с ужином ...»

«Да, этого достаточно. Я просто хотел попросить тебя стать посланником».

«Посланником?»

«Да, сходи вместо меня в парадный зал прямо сейчас».

Услышав это, Акино непреднамеренно раскрыла уши, которые она изначально скрыла, хотя она была удивлена, в этом была какая-то радость.

Так же, как и его название, парадный зал находился за пределами монастыря - это был зал Храма Сейшуку, возведенный у подножия горы.

Он был реконструирован задолго до того, как родилась Акино, и до сих пор он использовался городом как хранилище для купленных материалов. Акино, почти никогда не могла выйти, это место было похоже на связь с внешним миром.

«Спустись с горы, пока не стемнеет, если сможешь. Лучше бы вернуться завтра, так что поторопись и иди».

Сердце Акино забило еще быстрее, когда она услышала, что она может остаться на ночь. Сегодня она могла расправить свои крылья и воспарить - и играть в своё удовольствие. Независимо от того, в парадном зале были журналы извне, а также телевизоры. Хотя в монастыре были журналы, телевизоры и компьютеры с интернетом, Акино не могла пользоваться ни чем из них. Ее маленькая свобода в этот момент была похожа на короткую передышку, она была в восторге.

Затем,

«Я ... Если это нужно сейчас, то что насчет ужина...?»

«Позже сходишь за фаст-фудом».

Она не могла не удивиться. Она чуть не уронила дрова, чтобы вскинуть руки в восторге. Она сможет поесть лапши. Для Акино это было благословение, которого у нее не было в течение года. Разве ее мысли отразились на ее лице? Лицо Таданори стало суровой. Акино торопливо стерла свое детское выражение.

Только тогда она заметила, что не ослышалась.

Когда она переспросила, пока несл дрова.

«Тогда, жрецТаданори, для чего меня делать посланником?»

«Разве ты не слышала? Я сейчас свяжусь с Кенгью-сама. Кажется, прибудет новый ученик. Вроде, человек уже у подножия горы».

В это время над головой появилось «беспокойство», и Акино поспешно схватилась за голову. Глаза за ее очками стали широкими и круглыми.

«Он должен скоро уйти. Так что завтра ты приведешь этого человека в монастырь вместо меня, хорошо?»

Таданори нахмурился, и Акино вернулась в храм вместе с ним. Отдав Акино ключ от парадного зала, он вернулся к своей работе. С другой стороны, Акино, осталась позади, все еще была в шоке после получения ключа.

Таданори сказал, привести ученика в монастырь.

Во всяком случае, в монастыре будет новый человек.

В ее сердце вспыхнуло предчувствие и беспокойные эмоции. Прошло уже несколько лет с момента появления новичка. Что это за человек? Мужчина? Женщина? Сколько лет? Это был бы нежный человек или дурной человек? Будет ли этот человек издеваться над Акино, если он или она увидит ее кроличьи уши?

«... Ах, хм? Подождите! Если этот человек уже у подножия, это значит ...»

«Жить в парадном зале и привести его или ее завтра» означало, что Акино должна остаться сегодня вечером вместе с новичком.

Внезапно непростое чувство быстро раздулось по сравнению с ее ожиданием. Было бы хорошо, если бы с ним или с кем-то было легко разговаривать, но если нет, то она могла бы слишком занервничать, чтобы спать. Что ей делать?

... Акино, чья грусть, казалось, вся собралась на ее лице, услышала далекое карканье вороны, она осталась одна. Небо уже полностью окрашено заревом закат, и солнце постепенно заходило. Хотя Акино была уверена в своей скорости, было слишком опасно ночью ходить по горной тропе. Поэтому ей нужно было спешить, пока солнце не исчезло полностью.

Она поспешно вернулась на склад, объясняя ситуацию пожилым людям.

Это было напряженное время, но Акино хотела уйти, поэтому пожилые люди были чрезвычайно саркастичны с Акино, но это не могло быть отложено, поскольку это было поручение сверху. Акино постоянно извинялась, а затем быстро покинула склад.

Красные листья клена колыхались на ветру, а затем тихо падали.

За долгое время у нее появилась возможность выйти и прогуляться, небо было черным, к тому времени, когда Акино, наконец, спустилась с горы всё вокруг было окутано тьмой.

Она прошла через горные леса и террасные поля на склоне горы. Огни от домов фермерских семей были усеяны негусто благодаря огромной глубине ущелья.

Затем холмы, окружавшие этот район, раскинулись над головой, как только настала ночь. Облака в небе были необычайно красивыми, и она почувствовала тяжелую атмосферу. Это было не столько от погружения в слабый лунный свет, рассеянный между облаками, а скорее из-за того, что он придавал синему небу другой цвет. Облака, которые переплывали с одной стороны Луны на другую, постепенно меняли свои формы по мере того как они медленно текли.

Акино обычно жила в окружении высокого кедрового леса. В этом мире Акино иногда приходила на пустое открытое место и видя небо придавалась ощущению необъятности. Как кролик, который выполз из норы. Первоначально она считала себя чрезвычайно миниатюрной, даже мелкой, существованием, похожей на камешек или сорняк.

Но, с другой стороны, она внезапно подумала о том, чтобы бежать в какой-то угол внизу этого неба и вдруг почувствовала необъяснимое чувство.

Даже если бы она не знала, куда идти - даже если она могла просто пойти в какое-то место,

которое она себе представляла, ее сердце не могло перестать биться, и у нее были мысли о только о движении вперед. Другие в монастыре, вероятно, тоже испытывали те же чувства.

Акино не покинула гору.

Даже Акино знала об окружающем мире. Она получила только самые базовые учения от взрослых в монастыре. Через журналы, телевидение, интернет - разумеется, он был неполным - она поняла нормальные социальные практики о мире за пределами горы.

Но это было просто знание, и это были знания о другом мире. Хотя она хотела пойти куда-то, в конце концов, это был чужой мир.

Акино была сама по себе чужеродным телом, из-за этого она все время переживала. Хотя живые существа были очень ценными, это был просто живой дух кролика. Сколько людей, которые жили в таком закрытом месте, столько сколько они себя помнили, были такие в Японии сегодня? Хотя монастырь был чуждым для внешнего мира, это было для нее все.

Но почему она действительно хотела выбежать и увидеть виды напротив монастыря?

Конечно такая тихоня как она не могла дать ответ на такую вещь, как бы она ни думала.

«... Ах, я проголодалась».

В монастыре уже пора ужинать. Акино держала ключ, продолжая движение к парадному залу.

Парадный зал был связывал храм Сейшуку и дорогу, располагаясь в центре участка узкой, ровной местности.

Несмотря на то, что его называли залом, снаружи он выглядел как старый склад. Обычно вокруг него был только автоматический защитный барьер, но сегодня освещения у наружного входа и импортные товары засветилось, небольшим оранжевым светом.

Под этим светом было две фигуры.

Одно лицо было знакомо, а другое нет. Сердце Акино сильно забилося.

«Ах, разве ты не кролик, что назначен посланником?»

«Ж-жрец Кенгю!» Пожалуйста, не называйте меня так! Я всегда вам говорю!»

«Ну, даже с бедрами и грудью, ты похожа на кролика. Ты, наверное, выросла с тех пор, верно?»

«Ч-Ч-Чтоо.....»

Что он так внезапно сказал перед новичком!? Акино покраснела и уставилась на одетого мужчину перед ней - жреца Кенгю.

Хотя Кенгю был аджари храма Сейшуку, он не носил одежду жреца и не брился на лысо. Он всегда работал за пределами монастыря и был хорош в разных аспектах.

Этот любящий женщин развращенный монах будет очень плохо оценен в нескольких аспектах как ученик. Акино, казалось, все еще находилась вне диапазона удара Кенгю, потому что она привыкла к этому подшучиванию.

«В любом случае, ты всё слышала? Этот человек, надеющийся войти в монастырь, такого у нас не было много лет».

Кенгю слегка почесал подбородок, разговаривая высокомерным тоном. Прежде чем Акино снова встретилась с ним взглядом, фигура, стоявшая за ним, вышла из-за Кенгю.

Это была девушка.

И она была очень молода. Но была старше Акино. Возможно, она уже была старшеклассницей. Ее длинные черные волосы отражали ее белоснежную кожу. У нее было стройное тело и красивая фигура. Как кто-то того же пола, Акино была ошеломлена. Это была замечательно красивая девушка в фигуре и чертах.

Но она производила очень холодное впечатление.

Это был лунный свет, который она шёл из-за ее головы? Она не могла видеть ничего похожего на неприязнь в ее глазах, смотревших на Акино. Это спокойное и невозмутимое выражение, как поверхность озера. Она производила более спокойное, чем безразличное впечатление. Она была более холодной и одинокой, чем беспристрастной.

На ней были короткие пальто, шорты и длинные чулки. На ногах она носила короткие сапоги и перчатки без пальцев. На плече была сумка в камуфляже. Вместо того, чтобы быть мальчишеской, было похоже на то, что она была полностью одета практично. Таким образом, это расхождение было явно очевидным, как если бы оно доминировало характер девушки.

Но в этом утилитарном снаряжении были исключения.

Розовая ленточка, связывающая длинные черные волосы девушки.

"..... Гм"

Как только Акино собралась поздороваться с ней, она сразу заметила, что не знает, что сказать.

Она посчитала ее личностью, с которой было нелегко разговаривать, и даже испугалась.

Но хотя она не была уверена в причинах, она почувствовала странное чувство неправоты. Другие люди могут ничего не чувствовать. Однако было что-то осязаемое, мрачное и неправильное - что-то зловещее.

Несмотря на это, она не могла отвести от нее взгляд.

"....."

Девушка также безмолвно посмотрела на Акино, которая ничего не могла сказать и просто пристально смотрела на нее. Затем аромат горной почвы, растительности и т. п. смешался вместе, и слабый запах всплыл, чтобы проплыть по окрестностям.

Витал аромат благовоний, который она никогда не нюхала.

Затем,

«... Приятно познакомиться, я Хокуто».

Девушка открыла рот.

Плоские слова, но чистый голос.

«Ах, да, я ... я ... я ... Акино, так ...!»

Она внезапно стала напряженной. Это было очень плохое впечатление. Из-за дразнящих слов, что только что сказал Кенгю, это было самое худшее первое впечатление. Может быть, с ней уже обращались как с дурочкой, девушка, которая все еще не показывала особых реакций.

Кенгю был совершенно безразличен к раскрасневшейся Акино.

«Так, значит все, верно? Акино, я ухожу, и оставлю все остальное на тебя».

«Э-э-э, ты уже уходишь?»

«Уже слишком поздно, я все закончил, сегодня мне нужно вернуться в город».

Кенгю посмотрел на свои часы, говоря без вежливости, но Акино запаниковала.

«Но вы нас не познакомили ...»

«Этим вечером делай то, что тебе нравится. Подумай об этом, я немного тороплюсь, поэтому у меня нет времени разговаривать».

Кенгю посмотрел на девушку с холодным взглядом, сказав это. Девушка все еще была беззащитна.

Желудок Акино уже начал болеть.

«Тогда увидимся позже. Не делай ничего хлопотного».

Кенгю эгоистично оставил эти слова, ничего больше не объяснил и ушёл. Он просто подошёл к машине, остановленной на дороге. Акино, казалось, вошёл в ступор уставившись на девушку перед ней, когда Кенгю оставил их за спиной.

Затем,

«Ах, верно».

Неожиданно Кенгю остановился и повернулся.

«Акино, Хокуто, вы, поедете в монастыре, верно? Так как вы двое одинаковой природы».

«Э-э-э-что это значит?»

Кенгю слегка улыбнулся Акино. Это была улыбка, которую она часто видела в монастыре у своих старших и аджари. Улыбка, которая насмеялась над слабым, выражение, издевавшееся над кем-то, кто на последнем месте.

«Потому что вы оба ценные живые духи, так что старайтесь лучше и делайте все возможное, чтобы работать в монастыре».

Часть 3

Может быть, она не сможет спать ночью.

В наперекор пессимизму, Акино съела три чашки рамена на ужин и крепко спала обнимая свой живот до самого рассвета. Ровно в девять часов, девушка-новичок - Хокуто, постепенно проснулась. Люди в монастыре встали рано. Ученики обычно вставали в четыре. Если они спали, были наказания.

Таданори не упомянул крайний срок приведения Хокуто на гору, но ее обязательно поругают, если она не вернется до обеда. После того, как Акино и Хокуто покончили с завтраком, они отправились из зала.

Камни были сложены в форму лестницы, по пути, ведущей к храму Сейшуку. Пышные кедровые леса. Высокие, прочные, покрытые мхом кедровые деревья, вытянутые из плотной травы в небо без конца, как колонны, поддерживающие небо. Тропа тянулась бесконечно вверх между этими кедровыми деревьями.

Гора была очень спокойной. Единственные звуки, которые они слышали, это звуки их собственных шагов и дыхания. Иногда к ним доносились щебетания горных птиц, и отзвуки звуков, казалось, контрастировали с тишиной леса.

"....."

Акино, шедшая впереди, поднимаясь по горной тропе, часто оглядываясь назад.

Помимо Акино, выросшей на горе, горная тропа определенно была бы изнурительной для кого-то, кто не привык к ней, особенно для хрупкой девушки. Но у Хокуто не было проблем, хотя она несла, казалось бы, очень тяжелую сумку и равнодушно следовала за ней. Она, похоже, вообще не беспокоилась о том, что запыхается. Хотя это не было видно, казалось, что она была довольно крепкой.

В этом случае следующей проблемой было молчание между ними.

Хокуто была сдержанной девушкой.

Они вчера смотрели телевизор и ели вместе, но Хокуто вообще не открыла рта, чтобы поговорить, пока была там. По крайней мере, ответь мне, если я скажу. Это был минимальный стандарт, который должен был быть приемлемым. Благодаря этому она не представилась должным образом с прошлой ночи и до сих пор. Даже она чувствовала смущение.

Но даже в этом случае она знала, что Хокуто не была такой равнодушной, как впечатление, которое она выдала сначала. Она будет активно реагировать, если она ей что-то скажет, и она слушала сложные инструкции Акино без какого-либо недовольства на ее лице. Кроме того, вчера вечером она позволила Акино выбрать телевизионные каналы и вкусы чаш рамена, которые ей нравились. Был только один диван, и Акино пригласила ее сесть, но она решительно отказалась и позволила Акино сидеть там. Она не рассердилась или не волновалась, когда она тоже проспала сегодня, элегантно заправила кровать. Она была красивой и изящной, просто ангелом Акино.

Но когда Хокуто не выражала своих эмоций, она не знала, о чем она думает, и это было правдой. Но ненавистное чувство неправильности, которое она испытала, когда они впервые встретились, не исчезло.

Если они отправятся в этот монастырь, Хокуто станет одним из учеников. Мужчины-пожилые

люди, несомненно, будут стараться, чтобы угодить ей, потому что она была такой красивой. В этом случае Акино определенно попросила бы сделать много, много для неё, чтобы приблизиться к Хокуто.

Поскольку она сейчас ничего не знала, она могла бы не относиться хорошо к Акино после изучения места Акино в монастыре, хотя она почтительно относилась к Акино. Она очень быстро стала бы такой же, как и все остальные, и бесцеремонно относилась бы к Акино ... Акино подумала о таком предчувствии.

... Хм?

Во время этого она почувствовала, что что-то не так.

Это была не какая-то очень веская причина, просто она не могла представить, что такая будущая сцена происходит с Хокуто. Возможно, это было потому, что Хокуто отличалась от других учеников монастыря. Из-за того, что атмосфера, окружавшая ее, была слишком несоответствующей, она не могла себе представить, что она будет запятнана атмосферой тех пожилых людей.

Конечно, возможно, потому, что воображение Акино было таким.

"....."

Акино, краем глаза, несколько раз взглянула на тихо взбирающуюся Хокуто.

Затем,

«... Мы действительно не разговаривали вчера».

Внезапно сказала Хокуто. Акино остановился в удивлении, затем инстинктивно прикрыла голову руками.

... О-о нет!?

Была ли она обречена на остановку? Акино осторожно оглянулся.

Но Хокуто молча смотрела, моргая, как будто была немного потрясена.

Казалось, она была ошеломлена, из-за того что она закрыла свою голову, когда она собиралась говорить. Вероятно, она устала и случайно показала свои идиотские атрибуты.

«Что случилось? Ты в порядке?»

«Я ... Это ничего! Я в полном порядке!»

После того, как Акино ответила с румянцем, Хокуто тихо рассмеялась от удивления.

Горький смех. Но это был не саркастический горький смех, как у людей в монастыре. Это был первый раз, когда она увидела искреннее выражение Хокуто.

Акино сухо кашлянула, чтобы убедить себя.

«У-Ум, Хокуто-сан ...?»

«Ты можешь просто звать меня Хокуто. Я сказала это вчера, так как я новичок».

«Ах, но ты старше меня, и я не привыкла звать людей по имени ...»

Акино до сих пор не имела друга, которого она могла звать по имени. Она увидела, что Хокуто запуталась, но Хокуто не стала настаивать на этом, снова улыбаясь Акино.

«Я не думала, что здесь будут такие молодые люди, как ты».

Хокуто говорила спокойным тоном.

«Но это нормально, если вы думаете об этом. Поскольку не все в этом темном храме пришли по своей воле».

Взгляд Хокуто не встретился с Акино, когда она это сказала, но вместо этого посмотрела в сторону горной дороги позади нее.

Акино редко встречала настоящих взрослых, которые приходили извне, но они относились к Акино с таким отношением, как будто она была ребенком. Это было обидно, от старших в монастыре, но Хокуто была более взрослой. Но даже несмотря на это, она сделала ее счастливой, что она могла искренне поговорить, даже если она относилась к Акино как к ребенку.

Но.

«Темный храм?»

«Э-э, ну, жаль. Что не очень красиво, да?»

«О-очень грубо? .. Ты имеешь в виду храм Сейшуку?»

«Ты не знаешь?»

Хокуто спросила, как будто бы очень удивилась, и Акино автоматически извинилась:

«Извините, извините ...»

«Поскольку я до сих пор не покидала Храм Сейшуку».

«А? А Акино-сан родилась в монастыре?»

«Хотя я не родилась в монастыре, меня воспитывали с детства ... Также, у-ум, не называй меня «сан », это немного смущает».

«Темный храм» был, вероятно, прозвищем Храма Сейшуку. Это был ее первый раз.

Она чувствовала, что это злобное имя. Ну, если бы она подумала об этом, очевидно, было бы много сходства.

«Тогда Акино-чан всегда жила в Храме Сейшуку, да».

«Н-Не называйте меня «чан», ты можешь просто называть меня Акино».

«Хорошо? Тогда, пожалуйста, зови и меня Хокуто».

«Э-э-э-э ... Хорошо ...»

Акино успела ответить, и Хокуто улыбнулась.

Ее отношение было менее отчужденным по сравнению с тем, когда они встретились вчера. Вероятно, даже Хокуто была немного осторожна. То была холодная атмосфера. Но возможно Акино боялась показать признаки слабости, может быть, причина в том, что она проспала сегодня утром?

Где-то вскрикнула горная птица.

Подул освежающий ветер - запах благовоний, который она ощущала вчера, слегка повеял от Хокуто. Это был не плохой запах. Живя в монастыре, она уже давно привыкла к запахам благовоний. Но запах тела Хокуто был скорее тонким намеком на благовония, чем запах, который знала Акино.

Они обе зашли в монастырь.

«Акино, ты знаешь, чем занимаются в монастыре? ... Нет, ты не знаешь?»

«Я знаю ... все люди в монастыре практикуют магию».

Поскольку она собиралась в Храм Сейшуку, Хокуто следовало бы это знать. Несмотря на это, Акино правдиво объяснила ей.

Из-за правительства магия стала широко использоваться. Предположительно, полвека назад, в канун Тихоокеанской войны, различные магии, переданные с древних времен, были проанализированы одно за другим, а затем добавлены в общую систему, которая ее развила.

Современной магией управляла национальная организация - Агентство Оммёдзи. Магия, которую Агентство Оммёдзи признала имеющей реальные эффекты, получила название «Первоклассная магия», и нужно было получить квалификацию, установленную законом Оммёдо, для использования «Магии первого класса».

«Нынешняя магия основного направления едва ли может быть названа Оммёдо. На самом деле в нее были добавлены магии из других систем. Как Ваджраяна, синтоизм, шугендо и другие типы ... Хм? В этом случае, кто называется «Генерал Оммёдзи?»

«Великий человек, который добавил эту магию и создал основы современной магии, он был не монахом или синтоистом, а скорее Оммёдзи».

«А, ты же знаешь, он практиковался в армии во время войны. Как его звали? Кажется, я помню, что его звали ...»

Она чувствовала, что это было немного необычное имя, связанное со светом. Испытывая глубину своей памяти, Акино неосмотрительно размышляла о «хмм».

Затем,

"..... Як."

«А?»

«... Его звали Тсучимикадо Яко».

«Ах, верно! Это его имя».

Хокуто, казалось, имела хорошие познания в этом плане. Каждый раз, когда она произносила какое-то слово, она, казалось, уменьшала ее престиж в качестве старшего монастыря. Ей было стыдно.

... Ах, но

«Правильно. Тсучимикадо Яко назвал себя террористом».

Как только Акино случайно прошептала это, она заметила, что Хокуто слегка дрогнула. Заметив это, Акино повернулась к Хокуто.

«Хмм ... Хокуто-сан - нет, Хокуто, ты не знала? В прошлом году ... Хмм, я думаю, что это было летом? Реинкарнация Цучимикадо Яко совершила преступления повсюду».

Это была новость, которую даже она знала. - спросила Акино, удивляясь.

Хокуто немного задержалась перед ответом.

".....Я знаю."

«Значит, ты знала. Ну, он очень знаменит в волшебном сообществе. Я слышала, что полиция выдала ордер на арест».

"....."

Хокуто не ответила на слова Акино, ее выражение почти замерло. Но Акино этого не заметила. Ее наивное настроение стало хорошим, когда она нашла общую тему.

«Это реинкарнация часто становится темой в нашем монастыре, ты не знала? Особенно потому, что это не монастырь, а чрезвычайно серьезное место, которое практикует магию? Эта тема очень легко распространяется ...»

Акино взглянул на внешность Хокуто, чтобы быть немного осмотрительным. Несмотря на это, ей не нужно было волноваться. Лицо Хокуто показало, что у нее уже есть понимание относительно вопросов Храма Сейшуку.

«Говоря о сокрытии практиков, они приходят сюда, потому что в монастыре собраны два главных практика?»

Акино коротко улыбнулась спокойному тону подтверждения Хокуто, отвечая «ха-ха».

«Похоже на это. Хотя я не слишком много знаю о сокрытии или о двух профессионалах ...»

В настоящее время магия законно регулировалась законом оммёдо, и большинство практикующих управлялось Агентством Оммёдзи.

Но не все из них.

Первые магии и история практиков были еще более древними, чем история закона Оммёдо и агентства Оммёдзи. Было необоснованным утверждать, что этим магам и практикующими хватило десятилетия после войны. Что еще более важно, кроме магии было скрыто много тьмы. То, что диктует государственная власть, не легко просачивалось во все группы людей.

Таким образом, управление деятельностью агентства Оммэдзи не могло достичь «глубин» магического сообщества, которое сформировало различные сети, а именно так называемую «поверхность». Храм Сейшуку, известный как темный храм, был одним из представительных центров этих сетей.

Информация, техника и талантливые люди, которые никогда не появлялись на «поверхности», собрались здесь.

Например, Хокуто, которая в настоящее время хотела войти в монастырь, была довольно талантливым человеком.

«Хокуто-сан, ты была введена в филиал монастыря?»

- Ну ... Ну.

«В последнее время это очень странно, но похоже, что таких людей было много, правильно? Священные монастыри Храма Сеишуку повсюду в стране. Я слышала, что это должно было увеличить распространение техник или что-то в этом роде. .. Многие люди с разными талантами приезжают в монастырь ... »

Акино объяснила Хокуто, но непреднамеренно стала двусмысленной.

Были разные люди, которые стремились стать практикующими, но у них было что-то общее. Это была «способность воспринимать дух». Для пользователя современной магии это был талант и способность «видеть» ауру.

Каждый носил ауру на своем теле, и каждый обладал духовной силой, но было очень мало людей, которые могли чувствовать ауру и духовную силу. Но магия основывалась на тех методах, которые контролировали духовную силу, поэтому думать о том, чтобы стать практиком - стать одним из немногих, кто мог использовать первоклассную магию, невозможно без этой способности.

Но поскольку людей, обладающих такими способностями, было мало, было немало примеров тех, кого уважали другие в то же время, когда они были ужасно отвратительны.

Люди по природе были осторожны с людьми, отличными от самих себя, и относились к ним по-разному. В настоящее время информация о магии распространилась на улицы и может быть воспринята обычными людьми. Но даже в этом случае люди, обладавшие ненормальными способностями, у которых были «сверхспособности», получили критические взгляды от окружающих. Особенно в обстановке, в которой не было понимания магии, людям, обладающим духовной способностью, было очень сложно жить обычной жизнью. Поэтому, если бы древняя часть, связанная с магией, подверглась воздействию Токио, подверженному духовным бедствиям, была снята с картины, уровень понимания общества определенно не был бы таким высоким. Даже если бы они попытались сосуществовать, было бы много людей, которые в конечном итоге столкнулись бы с несчастьем.

Такие места, как Храм Сейшуку или филиалы его монастырей, касались этих обстоятельств.

Аномалии, которые общество не принимало, будут приняты в монастырь, который будет обучать их.

Так называемыми «учениками» были незрелые практикующие, собравшиеся в монастыре.

«... Это очень редко, потому что больше некуда идти».

Среди «учеников» в монастыре было много людей с плохими сердцами. Искривленные люди, люди, которые легко разозлились, люди, которые чрезмерно презирали других ...

Но они также были молодыми людьми, которые выросли в несчастной среде, людям, которым некуда идти, кроме монастыря.

Акино не исключение. Она была оставлена в монастыре и жила там с детства. Было бы совершенно неприятно, если бы у ребенка росли кроличьи уши. Не было никакой помощи, ее родители отказались и доверили ее темному храму, который был очень хорош в борьбе с такими вещами. Ей скорее повезло, что она была благословлена возможностью жить в монастыре после рождения - потому что она не знала своих родителей, так что она не чувствовала обиды или гнева по отношению к ним. Ей казалось, что все хорошо.

«Ах, но у меня на самом деле есть родственники в Токио. Хотя я не могу их встретить, но они знаменитая семья, которая имеет отношение к магии на протяжении поколений ... Если я сделаю все возможное. Я смогу жить со своими родственниками в Токио когда-нибудь».

Конечно, Акино полностью понимала, что такое невозможно. Старожил монастыря Сэн сказал ей, что у нее есть родственники в Токио. Она просто поверила ему, хотя это она услышала в детстве, и хотя она все еще ничего не могла сделать даже после того, как услышала это, она должна благодарить его.

У Хокуто определенно были подобные ситуации.

..... Ах.

Затем, когда она подумала об этом, Акино остановилась. Она подумала о том, что сказал Кенгью, когда они расстались вчера.

«Хм, Хокуто-с ... Нет, Хокуто?»

«Хм?»

«Могу я спросить? Гм, что вчера, сказал жрец Кенгью ...»

Хокуто, казалось, сразу поняла, как она тактично открыла рот.

«О ценном живом духе?»

Хокуто прямо ответила Акино, но выражение ее лица было очень сложным. Как и ожидалось, это было невежливо.

"У-ум !?" Акино отступила от стыда.

Но Хокуто не беспокоилась.

«Теперь, когда вы упомянули об этом, Акино тоже живой дух. Я живой дух водяного дракона».

"Водяной Дракон?"

"Да."

Это было бесценно. По крайней мере, Акино до сих пор не слышала об этом.

Так называемые водяные драконы были типом водного духа. Хотя они были подтипом драконов, их рассматривали как семейство драконов. Они были похожи на змей, но она, казалось, помнила, что у них были рога, руки и ноги. Во всяком случае, было очень мало людей, которые когда-либо видели водяного дракона.

... Ах, да ...

Странное чувство, которое Акино ощущала от тела Хокуто, возможно, было из-за этого живого духа водяного дракона. В любом случае Акино даже не знала, что такое так называемый водяной дракон. Если она воспримет это всерьез, то особый запах, который шёл от Хокуто, может быть вызван эффектом водного дракона.

... Но если бы она была живым духом водного дракона, быть может...

Может, у Хокуто было что-то вроде змеиного хвоста, такого как уши у Акино? Или у нее были даже клыки или что-то вроде раздвоенного языка? Хотя она была очень заинтересована, расспрашивать дальше не хорошо.

«Акино, а ты какой живой дух? Не могла бы ты мне сказать, если не возражаешь?»

Ее лицо бессознательно подергивалось на вопрос Хокуто. Но было бы слишком хитро, что только она задавала вопросы. Акино слегка отвела взгляд, как бы с большой неприятностью.

«Я живой дух кролика».

Несмотря на ее смущение, сказав это, ей было интересно узнать ответ Хокуто. Акино вернула взгляд в сторону Хокуто.

«Кролик? Это действительно необычно. Подумать только, я даже не знала, что существуют живые духи кролика».

«... они встречаются еще реже водных драконов?»

«Да, водяные драконы тоже должны быть очень редки, но даже в этом случае в прошлом были люди, одержимые водяными драконами или близкие к змеиным духам, как и записи людей, которые были одержимы Ято-но-Ками, особенными змеями, на самом деле их довольно много. Но что касается кроликов...»

Хокуто пристально посмотрела на Акино с совершенно другим видом. Акино все равно смутилась и отвернулась, чтобы скрыть это.

... Как и ожидалось, я действительно странная.

Ей не нужно было слишком много спрашивать. Хокуто не издевалась над ней или не удивлялась, исправляя инцидент. Если бы Акино была предана и взята за идиотку, она погрузилась бы в уныние и депрессию.

«В-В любом случае, соглашайтесь с живыми духами в монастыре, хорошо? Там много разных людей. Не только «ученики», как я, есть также много настоящих жрецов. Там говорят о людях, скрывающихся здесь, и о двух важных личностях, все в монастыре живут обычной жизнью».

Акино сменила тему, продолжая объяснять Хокуто.

Собственно, люди в монастыре не были юридически квалифицированы, чтобы использовать первоклассную магию, и они были очень безразличны к тому, что они были нарушителями закона. Кстати, сама Акино не замечала, что люди вокруг нее на самом деле были эквивалентом преступников.

Конечно, тот факт, что они были в состоянии не паниковать с было общей практикой, состоящей в том, что люди в монастыре не знали, что такое работа во внешнем мире. Но именно поэтому их называли безнадежными.

Многие люди в монастыре просто делали свою работу, чтобы выжить.

«Хотя за пределами города есть много неудобных вещей по сравнению с городом, ты привыкнешь к ним, когда поживешь здесь некоторое время. Думаю, ты скоро привыкнешь к нему ... ах, ну, хотя прямо сейчас, может быть ... это немного нервирует ... »

«Что-то случилось в монастыре?»

«Ха-ха ... на самом деле, у жрецов были некоторые разногласия, начавшиеся в этом году ... Похоже, это было потому, что были некоторые противоположные взгляды ...»

В конце концов, это был небольшой монастырь, и головокружительного открытого противостояния не произошло.

Но было правдой, что жрецы Храма Сейшуку разделились на две фракции. Это было также причиной постоянного плохого настроения Таданори.

«Ах, но, все в порядке, если вы не беспокоитесь об этом, потому что это просто жрецы, так что это не имеет никакого отношения к нам ... Но в любом случае это имело какое-то отношение к национальной организации агентства оммёдзи. Думаю, я тоже не знаю деталей.

«В таком случае я боюсь, что это связано с правовой реформой Оммёдо».

«А?»

«Что ж, к позиции агентства Оммёдзи, темный храм - это темное пятно волшебного сообщества».

Если бы юрисдикция агентства Оммёдзи выросла, это привлекло бы внимание окружающих людей. Сейчас они хотели воспользоваться возможностью, чтобы договориться. Мнения в монастыре, вероятно, не согласились с тем, что изменится или нет, а также над будущей политикой монастыря.

"....."

Акино неуверенно посмотрела на Хокуто: «Э? Что это за выражение?»

Почему Хокуто знала об этом, когда она только вошла в монастырь? Даже пожилые люди из числа «учеников» определенно не знали, о чем говорили жрецы.

...Этот человек.....

Кем она была? В тот момент, когда у нее мелькнула мысль.

"... Ах." Хокуто остановилась.

Акино рефлекторно поняла по ее взгляду. "Ага." Затем она тихо рассмеялась.

«Это наши горные ворота».

Горные ворота были выложены с обеих сторон кедровыми лесами, а также каменные лестницы, ведущие к вершине горы.

На первый взгляд на ней возвышались древние устаревшие ворота.

Ворота с шатровой и двускатной крышей построены из двух деревянных конструкций и покрыты выцветшими плитками. Они не были огромны, но от них было очень сильное впечатление, когда такое внезапно видишь в горах. Это резко выделялось из местного пейзажа.

Это было похоже на цитадель, признанных гор. Без всяких слов он четко провозгласил, что начинается божественная территория.

"....."

Хокуто имела спокойное выражение.

«... На краю ворот есть барьер».

«Ах, ты уже знаешь, но все в порядке, потому что ты можешь пройти через ворота».

«... Я не видела такую магию ... Может ли быть, что этот барьер покрыть всю гору?»

«Верно, вот почему вы можете войти в монастырь только через эти ворота».

Храм Сейшуку был рядом с вершиной горы. Таким образом, барьер храма окружал всю вершину горы. Это был довольно масштабный барьер, и посторонние, конечно же, посторонние практикующие, также были очень удивлены в начале. Но этот барьер был еще до того, как Акино родилась, и Акино не чувствовала, что это было что то невероятное. Для Акино это была всего лишь вещь, ничего больше.

«В любом случае, пойдём, потому что мы, вероятно, опаздываем ...»

Сказав это, Акино немедленно подошла к воротам, а Хокуто последовала за ней.

Интерьер Храма Сейшуку начался после того, как они прошли через ворота. Несмотря на это, окружающие пейзажи менялись не очень быстро. Кедровые леса по-прежнему возвышались вокруг сплошной лестницы, выложенной камнем. Храм Сейшуку был горным храмом, и этот сангхамара был построен вдоль горы. Горные ворота были официальным входом.

Но даже после этого, когда они некоторое время прошли мимо горных ворот, они видели буковые деревья, глицинию и алые листья клена вместе с кедровыми деревьями.

Затем они увидели несколько деревянных конструкций на другой стороне древесного - зала.

Каменные ступени превратились в шикьякумон, намного меньший, чем горные ворота, и закончился на полпути. Акино провела Хокуто через ворота по каменными ступенями.

Они обе смогли добраться до места назначения на этой горе.

Это был внутренний двор, окруженной горными лесами и залами. Подвижные поверхности было очень ухоженные, и повсюду были старые фонари.

«Хорошо, мы здесь».

Акино повернулась, чтобы посмотреть на Хокуто. Хокуто остановилась, бросив острый взгляд.

«Главный зал впереди, и ты сможешь увидеть зал собраний напротив него. Храмы, и хотя вы не можете видеть отсюда, внутри есть склады. Затем есть жилая комната и за деревьями ты можешь увидеть крышу пагоды. Внутри монастыря есть несколько других мест, таких как колокольни, кварталы монахов и небольшие залы ...».

Акино указала на них, объясняя, но она не знала, сколько слышала Хокуто. Девушка, назвав себя живым духом водяного дракона, беззвучно сузила глаза, внимательно смотрев на декорации в монастыре и, вероятно, использовала свою духовную силу, чтобы «видеть».

Объяснение Акино внезапно закончилось, заметив, что Хокуто снова окружена этой холодной атмосферой. Акино с большим трудом разговаривала с Хокуто и глупо стояла до конца.

Но.

«... Акино. Похоже, там шумно».

«Э-э ... Хм? Действительно. Что случилось?»

Хокуто говорила о зале собраний. Оттуда раздались шумные голоса.

«Пойдем посмотрим», - сказала Хокуто. Она пошла вперед, не дожидаясь ответа, и Акино поспешно последовала ей.

Вероятно, в зале был спор. После того, как Хокуто и Акино подошли ближе, монах вышел из центра. Он подошёл к храму и остановился, заметив Хокуто и Акино.

Это был Таданори.

«Акино, уже так поздно. Что ты делала?»

«Прости, я опоздала! Гм, жрец Кенгью привел новенькую, и я уже привела ее, хм ...»

Резкое предупреждение, как только они встретились. Акино мгновенно стала робкой. Таданори перевёл взгляд от Акино на Хокуто. У Хокуто было свое обычное выражение лица, когда она спокойно приняла взгляд Таданори.

«... Хм, так это вы? Но сейчас не до этого. Сейчас вы не можете войти в монастырь как новичок».

«Э-э-э, жрец?»

«Акино. У меня все еще есть другие дела, на которых я должен присутствовать. Мисс, как видите, у нас есть проблемы, с которыми мне приходится иметь дело».

Таданори эгоистично высказался, а затем сразу побежал к храму.

Хокуто, практически была брошена, ничего особо не сказала, ее взгляд пристально следил за

спиной Таданори. С другой стороны, Акино была смущена и бесполезна.

Было совершенно очевидно, что до сих пор ей никогда не доверяли делать что-то вроде ухода за новичком. Точно так же Акино чувствовала себя совершенно непригодной к чему-то вроде ухода за новичком.

А? Эхх?

Что произошло? Хокуто внезапно оглянулась и посмотрела назад.

Акино тоже повернулась, чтобы посмотреть.

«О, Акино, ты вернулась».

«Ах, Сэн-дзичан».

В какой-то момент к ним подошёл Сэн. Он говорил с ними так, как будто он стоял перед залом собраний на некоторое время.

У него все еще было свое неизменное беззаботное отношение, как будто шумный монастырь не имел к нему никакого отношения. Акино немного успокоилась перед этим не меняющимся стариком.

«В монастырь придёт новичок, поэтому я почувствовал, что должен придти на прием ... Является ли она новичком?»

«Да, она Хокуто-сан ... Но, что происходит? Что случилось в зале собраний?»

- спросила Акино, нахмурившись, но Сэн не стал серьезней.

«На самом деле, кажется, что они только сейчас связались с Кёнгю-сама».

Он ответил, что.

«Э-э? Он связался с ними? Что на этот раз?»

«Ннн, это не так много, сегодня пришёл посланник из Агентства Оммёдзи Токио, поэтому все взволнованы. Стало так хаотично, как в растревоженном улье».

Услышав этот неожиданный ответ, Акино выпустила «Ээ»,.

Она только что говорила об агентстве Оммёдзи с Хокуто. Акино быстро посмотрела на Хокуто, но Хокуто поддерживала свое серьёзное выражение, внимательно прислушиваясь к словам Сэна.

Увидев, что двум из них нечего было спросить, Сэн громко рассмеялся, рассказывая им о ситуации более подробно.

«Кроме того, я слышала, что посланник - один из знаменитых Двенадцати Божественных Генералов, ты знаешь, какие у него способности? О, мне так интересно».